

Дмитрий Фурман

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Формально при распаде СССР и «соцлагеря» все бывшие коммунистические государства провозглашали сходные или просто тождественные цели – построение демократических правовых обществ с рыночной экономикой. Но развитие посткоммунистических стран пошло разными путями.

Различия в посткоммунистическом развитии России и центрально-европейских государств, включая и страны Балтии, очевидны и имеют принципиальный и качественный характер. Центрально – европейские страны пошли по пути создания правовых демократических политических систем, в которых в рамках единых «правил игры» борются разные политические силы и осуществляется ротация власти, однотипные с системами, давно сложившимися в странах Западной Европы и Америки. В России же возникла система власти «безальтернативных» президентов, использующих права и демократические институты как камуфляж и передающих власть назначенным ими преемникам. Сравнение постсоветского развития России и посткоммунистических стран, пришедших к демократии, необходимо для понимания природы российской постсоветской системы, причин ее возникновения и перспектив. Но если сравнивать Россию только с этими странами, неизбежно возникает тенденция к преувеличению своеобразия ее постсоветского исторического пути и ее политической системы.

Между тем, политическая система России отнюдь не уникальна. Если центрально-европейские страны создали в посткоммунистический период системы, подобные демократическим, существующим в Западной Европе, Северной Америке и ряде стран на других континентах, то Россия создала систему, однотипную с существующими во многих странах Азии и Африки. И для посткоммунистического мира российское политическое развитие не является уникальным или даже своеобразным. Похожие на российскую системы существуют сейчас во всех странах СНГ, за исключением Молдовы и тех трех стран, где они уже завершили свой жизненный цикл: Грузии, Украины и Кыргызстана.

Сравнение политических эволюций и возникших в результате них политических систем стран СНГ — задача исключительной важности и колоссальной сложности. Цель настоящей статьи — первое, «эскизное» приближение к реализации этой задачи.

Я попытаюсь показать: 1) общие для России и других стран СНГ предпосылки к становлению систем этого типа; 2) общую логику их становления и развития и 3) их деградации и распада; 4) перспективы, возникающие у обществ при падении этих режимов; 5) взаимосвязь процессов на территории СНГ и возможности воздействия на них извне.

1

При всем громадном разнообразии политических систем современного мира мы можем, очевидно, говорить о двух доминирующих, наиболее распространенных типах этих систем. Это, во-первых, реальные демократии, прочно установившиеся в наиболее развитых странах и существующие во многих странах, менее развитых, ранее называвшихся странами «третьего мира», и, во-вторых, «управляемые» или «имитационные» демократии¹, то есть режимы личной власти президентов, камуфлируемые в правовые и демократические формы, существующие в России, в большинстве стран СНГ и во множестве других стран. Системы «имитационных демократий» отличаются от недемократических систем других типов: от неконституционных монархий, опирающихся на традицию; от открытых диктатур, которые опираются на армию и могут обходиться без демократического камуфляжа; от тоталитарных систем, в которых демократический камуфляж может быть сведен к минимуму, поскольку они опираются на собственную идеологию, альтернативную демократии². В наше время имитационные демократии — основной тип недемократических политических режимов, и его широкое распространение должно быть связано с какими-то общими предпосылками, существующими в современном мире.

В современном мире уже нет сколько-нибудь «серьезных» идеологий, выдвигающих альтернативные демократии модели общественного устройства (за сомнительным исключением исламского фундаментализма). Можно сказать, что демократическая легитимация стала единственно возможной формой легитимации власти. Традиционалистские недемократи-

1 Устоявшегося термина для обозначения таких систем нет, что, несомненно, отражает их очень слабую изученность.

2 Следует отметить, однако, что тоталитарные системы 20-го века — коммунистические и в меньшей степени фашистские — также не могли вообще обойтись без имитации демократии. Все-таки существовали безальтернативные, но выборы, чисто фасадные и включающие в себя принципиально не правовые положения (о КПСС как «руководящей и направляющей силе»), но конституции, принимающие все решения единогласно, но парламенты. Это «системное лицемерие» тоталитарных режимов говорит, что уже в то время демократическая легитимация власти была господствующим способом ее легитимации и тоталитарные идеологии полноценной альтернативной легитимации не создавали.

ческие режимы — это реликтовые образования, доживающие свой век благодаря специфическим, особо благоприятным условиям, но не способные быть моделью для других стран. В значительной мере реликтовыми являются сейчас и уцелевшие тоталитарные коммунистические системы — эпоха тоталитарных идеологий осталась в 20-м веке. Военные диктатуры по самой своей природе — нечто временное, связанное с особыми обстоятельствами, в которых оказалась страна, и переходят или к реальной демократии, или к ее имитации (военный диктатор организует подконтрольные ему выборы и референдумы).

Но отсутствие идеологий, способных дать обоснование недемократическому строю, и всеобщее распространение некоторых демократических идей и принципов не означает еще способности всех обществ жить в условиях демократии.

Если идейной альтернативы демократии в обществе нет, а для реальной демократии в нем отсутствуют культурные и психологические предпосылки, возникают условия для формирования политических режимов нашего типа — недемократических, имитирующих демократию.

Именно такие предпосылки и существовали в обществах советских республик в начале их постсоветского развития.

В период перехода от коммунистической к посткоммунистическим системам идеи демократии практически не имели альтернатив ни в одной из республик СССР³.

Коммунистическая идеология сама способствовала внедрению в сознание народа некоторых демократических идей и принципов. Представления о том, что власть — «от народа», что она должна выбираться, что она должна «служить народу», что в обществе необходимы конституция, выборы, для населения СССР обладали характером аксиом. И естественной формой идейного протеста против советской власти было утверждение ее несоответствия этим принципам, ее недемократичности. Падение советской власти поэтому везде означало попытку перейти к демократии, наполнив институты формальной советской демократии реально демократическим содержанием.

Идейные альтернативы демократии не возникли и в последующие годы, и вся идейная борьба президентов и оппозиций в странах СНГ идет в рамках демократического «дискурса». Единственным идеологическим обоснованием сложившихся в СНГ авторитарных режимов является постоянно звучащее у Алиева, Акаева, Назарбаева, Ниязова (и более приглушенно — у Путина) утверждение, что «наши страны» не готовы к полноценной демократии и только идут к ней, а поэтому не надо приставать к ним с западными стандартами и торопить развитие — это может привести к срыву. Ни одному вла-

3 Насколько я себе представляю, среди массовых партий стран СНГ наиболее открыто антидемократический характер имеет идеология российской ЛДПР. Но и специфически эпатажно-шутовской характер этой партии, и использование ей все-таки такого названия, как «либерально-демократическая», не позволяют говорить о ее идеологии как о реальной идейной альтернативе демократии.

стителю стран СНГ даже в голову не приходило вообще отказаться от демократической легитимации. Выборы могут быть сведены к ритуалу, но отказ от этого ритуала невозможен, конституции могут быть «фиговым листком», однако «выйти на улицу» без этого «фигового листка» нельзя.

Но при этом имеющем всеобщий характер демократическом «дискурсе» в 12-ти странах СНГ за 15 лет постсоветского развития было только пять случаев конституционного перехода власти к оппозиции. Из них — три в Молдове, развитие которой принципиально отличается от развития других стран, а два привели к победе президентов, тут же приступивших к строительству режимов своей «безальтернативной» власти (переход власти от Кебича к Лукашенко в Белоруссии и от Кравчука к Кучме в Украине).

Всеобщий характер демократического «дискурса» сочетается с практически всеобщим недемократическим характером развития.

Итак, принятие демократических принципов с неспособностью им следовать. Откуда же эта неспособность?

Объяснять это «тяжелым советским наследием», мне кажется, было бы неверно. Страны Центральной Европы и Балтии также прошли через коммунистический период, но это не помешало им создать демократические общества⁴. Поскольку и в коммунистическую эпоху общества развивались, хотя в замедленных темпах и в своеобразных формах, в общем для современного мира направлении, к моменту падения коммунизма все прошедшие через него страны были в целом все же более готовы к демократии, чем к моменту утверждения коммунистических систем⁵.

Причины недостаточной готовности освободившихся от коммунизма стран СНГ к демократическому развитию — это не столько последствия коммунизма, сколько более глубокие культурные и исторические причины. Я не хочу обсуждать здесь наиболее глубокие культурные факторы, препятствующие демократии в странах СНГ⁶, и остановлюсь лишь на более поверхностных факторах.

4 Правда, длительность существования коммунистической системы в странах СНГ (опять-таки, кроме Молдовы) больше, чем в странах Центральной Европы. Но есть пример страны, где коммунизм господствовал столько же, сколько в СССР, но перешедшей после падения коммунизма к реальной демократии. Это — удивительный и мало известный у нас пример Монголии.

5 Это достаточно ясно видно при сравнении предкоммунистического и посткоммунистического развития буквально всех прошедших через коммунизм стран, как пришедших к устойчивым демократиям, так и потерпевших неудачу на этом пути и создавших системы имитационной демократии. Ясно, например, что степень готовности к демократии в межвоенный период стран Балтии, после недолгого демократического периода пришедших к авторитарным режимам, близким к теперешнему белорусскому, и была приблизительно такой, как сейчас — в Белоруссии. И также ясно, что степень готовности к демократии России или Казахстана в 1991 г. была значительно выше, чем в 1917.

6 Неслучайно, наиболее успешные в своем посткоммунистическом демократическом развитии — центрально-европейские страны и страны Балтии: это страны с господством западных форм христианства — протестантизма и католицизма. Также неслу-

Прежде всего, ни одна из стран СНГ, в отличие от стран Центральной Европы, не имела в своем прошлом практически вообще никакого опыта современного демократического развития, на который она могла бы ориентироваться в построении постсоветской демократии⁷. Попытка построения демократий в период после 1917 г. была настолько кратковременной и привела к созданию настолько эфемерных институтов, что фактически постсоветская попытка является первой⁸.

И наоборот, ряд стран, особенно Россия и Узбекистан, имеют мощную традицию авторитарных систем, связанную с национальным самосознанием их народов. Прошлое государственное величие России неразрывно связано с деспотическими фигурами Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина. Национальная гордость Узбекистана связана, прежде всего, с фигурой Тимура.

Как ни одна из стран СНГ не имела ясной «демократической модели», на которую она могла бы ориентироваться, в своем прошлом, так ни одна из них не имела таких моделей в культурно-родственных демократических странах, которые могли бы играть роль «референтной группы». Разумеется, пример демократических стран Европы и Америки играл и играет колоссальную роль. Но эти страны очень далеки от стран СНГ по культуре и не могли быть таким понятным и близким примером, каким, например, для Эстонии и Латвии служили Финляндия и Швеция, а для Литвы — католические страны Европы. Правда, для тюркских мусульманских стран СНГ определенную демократизирующую роль играет пример Турции, но все же это не образец устойчивой и развитой демократии, и с турецкой моделью конкурируют модели других мусульманских стран. В культурном отношении все страны СНГ в громадной мере зависели и зависят от России, которая никак не может служить примером демократического развития.

чайно, что ни одна мусульманская страна СНГ не пришла к демократической системе — демократических мусульманских стран очень мало и за пределами СНГ.

7 Даже наличие в прошлом каких-то «досовременных» «протодемократических» форм политической жизни, которые могут восприниматься как своя, национальная демократия, облегчают построение демократического общества.

Так, несомненно, что значительно более демократический, чем в России, характер политической жизни постсоветской Украины связан с громадной ролью в украинском самосознании традиций позднесредневекового казачьего государства.

Различия более либеральных режимов назарбаевского Казахстана и акаевского Кыргызстана со значительно более жестким узбекским, вероятно, связаны с тем, что казахи и киргизы в прошлом не имели деспотических централизованных государств, а жили в условиях «кочевой демократии» с выборными ханами.

8 Следствия неудачной попытки могут быть двойки. С одной стороны, это — все же приобретение некоторого опыта, с другой — неудача влечет за собой психологическую травму. Для российского сознания неудача перехода к демократии в 1917 г. имела значительно более травматические последствия, чем для других стран СНГ. Все другие страны имеют возможность «списывать» свою неудачу в создании демократических государств на Россию и коммунистическое завоевание, у России же такой возможности нет. Поэтому факт провозглашения демократий в период русской революции и гражданской войны в других странах скорее способствует сейчас укреплению демократических ценностей, создавая прецедент и порождая ощущение «нормальности» демократии, которая если не состоялась, то только из-за русских.

Естественно, что беспрецедентность, новизна демократии, отсутствие демократического опыта (или, как в России, наличие травмирующего опыта, связанного с предшествующей неудачей) и ясных примеров успешной демократии в родственных странах осложняет переход к демократии. Но переход к демократии осложнялся и тем, что он совпадал во времени с двумя другими также очень трудными переходами.

Во-первых, это переход от социалистической экономики к рыночной. За два с лишним поколения, проживших в условиях социализма, привычки к рыночным институтам и частной собственности были практически утрачены. Поэтому переход к рыночным отношениям был для стран СНГ почти такой же беспрецедентной задачей, как и переход к демократии.

Во-вторых, это переход от советской империи к современным национальным государствам, опыта жизни в которых у народов стран СНГ, в отличие от народов центрально-европейских стран, практически не было (опять-таки, если не говорить о неудачных попытках создания национальных государств в период гражданской войны в России)⁹.

Если мы прибавим к этому ту быстроту, с которой распался СССР и психологическую неподготовленность к этому распаду¹⁰, то поймем, что народы СНГ оказались в 1991 г. в ситуации, не столь далекой от ситуации людей, брошенных в воду, которые раньше никогда не плавали и лишь издали видели, как плавают другие. Ясно, что, даже понимая необходимость плыть и стремясь к этому, такие люди будут совершать массу ненужных и суматошных движений и могут легко впасть в панику и отчаяние.

Все республики СНГ при падении СССР провозглашают создание демократических правовых государств, и на всем пространстве СНГ возникает хаос, повторяющийся, хотя и в значительно меньших масштабах, тот хаос, который воцарился при падении царизма на просторах Российской империи.

Нет смысла говорить о той страшной экономической ситуации, которая возникла в странах СНГ в начале 90-х гг., и перечислять все те войны, бунты и перевороты, которые сотрясали в это время постсоветское пространство. Дело доходит до того, что в ряде стран происходит полный распад государственных структур, и к власти приходят просто криминальные элементы

9 Исторический опыт русских как народа, создавшего империю и доминирующего в ней, противоположен опыту других советских народов, завоеванных русскими и вошедших в эту империю. Но и для русских, и для других народов общим является то, что у них нет опыта существования своего национального государства. Привыкнуть жить без империи одинаково трудно и русским, и не русским.

10 В марте 1991 года во всех республиках СССР, кроме республик Балтии, Грузии, Армении и Молдовы, был проведен референдум о судьбе СССР. За сохранение СССР высказались 76,4% голосовавших, против — 21,7%. Наименьший процент сторонников СССР был в Украине (70,2%) и России (71,3%), наибольший — в Туркмении (97,9%). Между тем, уже в этом 1991 году СССР прекратил свое существование. При этом из трех лидеров, участников беловежских соглашений, положивших конец существованию СССР, только у одного (украинского Л. Кравчука) был народный мандат в виде итогов референдума о независимости Украины.

(С. Сафаров в Таджикистане, Т. Китовани и Д. Иоселиани в Грузии, С. Гусейнов в Азербайджане).

Естественно, что доминирующим стремлением народов в этой ситуации становится стремление к «порядку»¹¹. Возникает ностальгия по спокойным дореволюционным временам, которая, однако, не доходит до сознательного стремления вернуть советское прошлое — коммунистическая идеология уже умерла, и не приводит к распространению каких-то других антидемократических идеологий — таких идеологий просто нет в современной культуре.

Какие — то элементы хаоса естественны при любой смене политических и социальных систем. И также естественно появление некоторой ностальгии по утраченному порядку. Такая переоценка прошлого и ностальгия в той или иной степени возникают во всех странах, прошедших через антикоммунистические революции. Но разная интенсивность сожаления о прошлом (как и разная степень порождающих его трудностей) и его различные сочетания с другими факторами приводят к принципиально разным последствиям.

В странах, более подготовленных к демократическому развитию, чем страны СНГ, оно ведет к поражению на выборах радикальных сил, стоявших у власти в революционные годы, и приходу к власти умеренных, связанных со старой коммунистической номенклатурной элитой, отринувшей коммунистическую идеологию. (Наиболее яркие примеры — поражение Саудиса и приход к власти Бразаускаса в Литве и поражение Валенсы и приход Квасневского в Польше). Этот первый эпизод мирной демократической ротации власти окончательно превращает власть победивших демократов во власть демократии и права, открывает путь для становления системы, в которой ротация власти — норма. Схожее значение имеет и демократический приход к власти Партии коммунистов Молдовы.

Сочетание этих же факторов, но в ином соотношении — несколько большие элементы революционной анархии, большее стремление отойти от этой анархии и меньшая психологическая готовность к демократии — дают принципиально иной результат. Происходит не ротация власти и приход к власти сил, связанных с «дореволюционным» прошлым, закрепляющий демократию, а наоборот, закрепление действующей власти, исключаящее ротацию и придающее этой власти «дореволюционные» авторитарные черты, возникают системы имитационной демократии. Эти системы основываются на манипулировании властью общественным сознанием и фальсификации народного волеизлияния. Но их возникновение было бы невозможно без «социального заказа» на подобные системы, без согласия обществ на эти манипулирование и фальсификацию.

¹¹ В 1998 году в Казахстане был проведен опрос, результаты которого, на мой взгляд, раскрывают особенности сознания не только жителей этой страны, но и населения СНГ в целом. Был задан вопрос, какая общественная система сможет решить проблемы казахстанского общества. 4,4 % респондентов выбрали «коммунизм», 7,3 — «социализм», 5,9 — «капитализм», 2,8 — «демократию западного типа», 2,3 — «ислам» и 56,9 % ответили — «любая, лишь бы был порядок».

Генезис систем имитационной демократии, возникших на пространстве СНГ, несколько различался. В ряде стран они создаются теми же людьми, которые стояли у власти в конце советской эпохи и в момент распада СССР — связанными с демократическим движением Ельциным в России и Акаевым в Кыргызстане и легко отказавшимися от коммунистической идеологии старыми партийными руководителями Ниязовым в Туркменистане, Назарбаевым в Казахстане, Каримовым в Узбекистане. В Армении система безальтернативной президентской власти, основанная на фальсификации выборов и подавлении оппозиции создается Тер-Петросяном, руководителем антикоммунистического демократического движения, который затем отстраняется от власти в результате бескровного военного переворота (ультиматума силовиков), причем основные характеристики режима остаются неизменными. В Грузии и Азербайджане президентские режимы имитационных демократий возникают в результате вооруженных переворотов, положивших конец недолгому правлению «революционных» президентов Эльчибея и Гамсахурдии и приведших к власти старых советских руководителей этих стран Алиева и Шеварнадзе. В Таджикистане представитель низшей советской номенклатуры Рахмонов приходит к власти после кровопролитной гражданской войны. Наконец, режимы Кучмы в Украине и Лукашенко в Белоруссии возникают после первой мирной и демократической ротации власти, которая теоретически могла бы привести к закреплению правовой системы.

Естественно, что ситуация возникновения режимов имитационной демократии могла иметь разные исходы, и их возникновение нельзя считать единственно возможным итогом развития. Но шансы на переход стран СНГ в это время к реальной демократии, думаю, были минимальны. (Может быть, наибольшими они были в Украине и Белоруссии, где все же прошли мирные ротации власти и где громадную роль в том, что они не стали началом правовой демократической системы, сыграли личности Кучмы и Лукашенко). А характер вставших у власти людей, нюансы их идеологии и генезиса (антикоммунизм Ельцина и коммунистическая ностальгия у Лукашенко, интеллектуализм Тер-Петросяна и «простота» Рахмонова), конечно, придавали разным режимам специфическую окраску, но не влияли существенно на их природу и внутреннюю логику их развития.

2

К установлению режимов имитационных демократий толкают не только благоприятствующие ему особенности (неготовность к демократии при отсутствии идейных альтернатив ей) и эволюция массового сознания (стремление отойти от революционного хаоса и прийти к «порядку»). К нему ведет и внутренняя логика действий самих президентов.

Установление режимов личной власти, имитирующей демократию, конечно, не может идти правовым путем. Оно идет через незаконные действия. Но это означает, что чем дальше президенты идут в строительстве своих

режимов, тем больше шансов, что в случае утраты ими власти они могут быть подвергнуты судебным преследованиям.

В России Ельцин, заключивший беловежские соглашения о распаде СССР, не имея народного мандата (если мандат и был, то прямо противоположный), одним этим шагом сделал для себя уход от власти очень трудным. Ведь оппозиция в таких условиях просто не могла не говорить о его ответственности за «разрушение великого государства», и ее приход к власти практически наверняка означал бы для него судебное преследование по обвинениям в диапазоне от превышения полномочий до государственной измены. Но если еще можно представить себе безопасный для него уход с поста президента в 1992 — начале 1993 г., то после кровавого разгона парламента в октябре 1993 г. это уже стало просто невозможным.

Та же логика присутствует в действиях и мотивах других лидеров. В действиях президента, вступившего на путь построения режима своей «безальтернативности», входят отмена действующих конституций и принятие антиконституционного законодательства, махинации с результатами выборов и референдумов, давление на суды, использование против политических противников лживых уголовных обвинений и т. д., вплоть до «таинственных» исчезновений и убийств противников.

Кроме преступлений, непосредственно связанных с укреплением режимов личной власти, множество преступлений совершалось в ходе приватизации, которая в условиях бесконтрольной власти просто не могла не превратиться в растаскивание государственной собственности, в том числе и близкими президентами и ими самими.

Поэтому чем дальше укрепляется и развивается режим личной безальтернативной власти, тем меньше возможности для президента свернуть с избранного пути, тем более вероятно, что за уходом с поста (если только он не передаст его заранее выбранному им преемнику и гарантирует себе иммунитет от судебных преследований) его ожидают суды, тюрьма и разорение. На путь построения системы личной власти было очень легко встать, но с него практически невозможно сойти.

Развитие режимов личной власти в разных странах СНГ идет через схожие этапы и в схожих формах. Далее я попытаюсь рассмотреть некоторые из них.

*Конфликты с парламентами
и разгон неконтролируемых парламентав*

Кровавый конфликт Ельцина с парламентом в 1993 г. — важнейший этап становления авторитарного режима в России. Но это отнюдь не единствен-

---

НА ПУТЬ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ОЧЕНЬ ЛЕГКО ВСТАТЬ, НО С НЕГО ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО СОЙТИ

ный подобный конфликт в СНГ. В первой половине 90-х гг. конфликты президентов с парламентами прошли по всем странам СНГ, кроме Туркмении.

Эти конфликты были связаны с тем, что первые парламентами были избраны еще в горбачевское время, когда осуществлялся минимальный контроль властей над избирательным процессом, и в обществе был демократический подъем. Парламенты были «не управляемыми», и депутаты имели высокие представления о своей миссии, а их спикеры — о своей роли¹².

Парламенты превращаются в главное препятствие на пути укрепления президентской власти и построения авторитарной системы.

Конфликты усугублялись тем, что в странах СНГ еще действовали старые советские конституции, к которым были приняты многочисленные поправки, и распределение полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти было совершенно не определенным. В этой ситуации конфликт президентов с парламентами ведет к анархии.

Депутаты были более тесно связаны с избирателями, чем президенты и их окружение, и парламентами везде аккумулируют народное недовольство проводимыми рыночными реформами. Однако, несмотря на это, стремление народов к возвращению «порядка» — сильнее, чем протест против рыночных реформ, и в конфликтах президентов и парламентами народ скорее — на стороне олицетворяющих порядок и управляемость президентов, чем на стороне олицетворяющих демократический хаос парламентами.

Кровавую форму конфликт между президентом и парламентом принял только в России. В Казахстане президентом было распущено без применения силы, но зато два парламента подряд (в 1993 и 1994 гг.). Парламенты были разогнаны также в Кыргызстане в 1995 г. и в Белоруссии в 1996 г. В Узбекистане Каримов добивается принятия закона об отзыве депутатов, позволившего ему очистить парламентами.¹³

В борьбе с парламентами президенты часто апеллируют к референдумам, всегда получая одобрение своим предложениям. На защиту разгоняемых парламентами народ нигде не поднимается.

Отстранение «старых товарищей»

Одним из аспектов конфликт Ельцина с парламентом был его личный конфликт со спикером Хазбулатовым и вставшим на сторону Хазбулатова и парламента вице-президентом Руцким. Подобный аспект имеет аналогии в других странах. В Казахстане это — конфликт Назарбаева и спикера Абдильдина и отстранение им вице-президента Асанбаева, в Кыргызстане —

12 Значительную роль в укреплении самосознания и усилении претензий парламентами сыграла не только ориентация на западные демократические нормы, но и специфически советская демагогическая идея: «Вся власть — советам», активно использовавшаяся демократическими силами в ходе перестройки.

13 Единственной страной СНГ, где конфликты президентов (сначала Снегура, затем Лучинский) с парламентами привели к поражению президентской власти и установлению парламентами республики, является Молдова.

Акаева с вице-президентом Куловым, в Узбекистана — Каримова с вице-президентом Мирсаидовым, в Азербайджане — Г.Алиева со спикером Р.Кулиевым, в Белоруссии — конфликты Лукашенко со многими его прежними приверженцами.

Психологическая схема этих конфликтов — общая и закономерная для ситуации становления режима авторитарной власти. В начале этого процесса президент окружен людьми, которые боролись за власть вместе с ним и воспринимают его скорее как «первого среди равных», чем как «хозяина». Становящаяся авторитарная система неизбежно выталкивает этих людей, которым психологически невозможно перейти от роли соратников к роли слуг¹⁴.

Принятие новых конституций

Победы над парламентами позволяют принять новые конституции, предоставляющие максимальные полномочия президентам и резко ограничивающие полномочия других ветвей власти. Эти конституции создают для режимов личной власти возможность функционировать, не вступая в постоянные конфликты с конституционными нормами, и придают этим режимам квазиправовые формы. Президенты стараются обезопасить себя в конституциях даже от отдаленных и «теоретических» угроз, например, вообще не включая в конституции норму об импичменте (конституции Туркменистана и Узбекистана) или, как в российской и казахстанской конституциях, делая процедуру импичмента настолько сложной, что его проведение в реальности совершенно не возможно.

Характерно, что ни одна конституция СНГ не предусматривает должности вице-президента — президенты больше не хотят иметь рядом с собой никого, всенародно избранного, и стремятся иметь полную свободу в назначении преемника.

Поскольку новые конституции фиксируют нормы, максимально удобные режимам личной власти, возникает даже тенденция к их «сакрализации», резко контрастирующая с очень «легким» отношением к конституционным нормам, которое было у властей до их принятия. Однако режимы личной власти — по сути своей не правовые. Даже составленные под контролем самих президентов конституции все равно остаются лишь внешней формой, которая всегда может быть изменена или просто отброшена.

Например, вначале во всех конституциях включаются пункты об ограничении по срокам возможности одним лицом занимать пост президента. Затем эти пункты изменяются. Так, в Таджикистане сначала было внесено изменение о продлении срока с 5 до 7 лет, а затем была принята поправка, позволяющая президенту править два семилетних срока. Поправки к конституциям, удлиняющие сроки президентских полномочий и снимающие

¹⁴ При всех очевидных различиях механизм этого конфликта — тот же, что и механизмы конфликта Гитлера с Ремом и Сталина, а затем Хрущева с другими членами Политбюро.

ограничения по числу сроков, принимались также в Узбекистане и Белоруссии. В Туркменистане Ниязов отказывается от периодически выдвигаемых «народом» требований перейти к пожизненному президентству и обещает в 2009 г. даже альтернативные президентские выборы.

Приведем яркий казахстанский пример отношения президентов СНГ к конституциям.

В Казахстане в 1993 г. парламентом принимается конституция, не удовлетворявшая президента Назарбаева. В нарушение конституции принявший ее парламент досрочно разгоняется и избирается новый. Новый тоже не удовлетворяет президента и в 1994 г. тоже разгоняется. В 1995 г. проводится не конституционный референдум о продлении полномочий президента и через некоторое время — референдум по новой конституции, составленной в аппарате президента и, вроде бы, для него идеальной. Тем не менее уже в 1998 г. в связи с изменением политической конъюнктуры Назарбаев решил, не дожидаясь конца предоставленного ему референдумом 1995 г. срока, пойти на выборы (тем самым, вступив в противоречие и с уже новой конституцией, и с решением референдума). Кроме того, в новую конституцию принимается ряд поправок, в том числе — о снятии возрастных ограничений для президента и продлении срока президентских полномочий. Таким образом, Назарбаев был (и остается) президентом при трех разных конституциях, и все эти конституции им нарушались.

Конституции создают лишь относительно устойчивые внешние формы режимов личной власти. Но для поддержания стабильности этих режимов нужно вести постоянную планомерную работу, пресекая попытки оппозиционных сил дестабилизировать режим, отслеживая и предотвращая потенциальные угрозы. Описать все многообразные методы и приемы установления и поддержания политической стабильности в странах СНГ невозможно. Перечислим лишь некоторые, наиболее важные.

Установление контроля над СМИ. Наибольшее значение при этом придается телевидению, как самому эффективному и массовому СМИ.

Принятие законов о выборах и о партиях, максимально благоприятных для власти и не благоприятных для оппозиции. Это — установление очень трудных условий для регистрации партий, позволяющих не регистрировать неудобные партии, и высоких барьеров для прохождения партийных списков в парламент. Это также — принятие законов, дающих возможность снимать неудобных кандидатов. Например, в Казахстане был принят закон, позволяющий снимать кандидатуру лица, совершившего в течение года перед выборами любое административное правонарушение.

Установление контроля над избирательными комиссиями и создание системы манипуляций с результатами выборов и референдумов. К разного рода махинациям с результатами народных голосований власти прибегают во всех странах СНГ с режимами личной власти. Очевидно, максимальные их размеры — в Азербайджане и Казахстане. К махинациям прибегают даже тогда, когда и без того ясно, что реальные результаты голосований полностью соответ-

ствуют желаниям президентов, поскольку между местными руководителями возникает своего рода соперничество — какой округ покажет наилучший результат. Так, нет никакого сомнения, что на референдуме 1996 г. и на выборах 2006 г. белорусы поддержали А. Лукашенко, но также несомненно, что результаты все равно были сфальсифицированы.

Создание пропрезидентских партий. На ранних этапах развития режимов президенты обычно дистанцируются от политических партий, стремясь предстать президентами всего народа. Исключения — режимы Туркмении и Узбекистана, где президенты изначально создали «свои» партии на основе партийной организации КПСС.

Но по мере эволюции потребность в партиях как механизме определения лояльности, подбора кадров и дополнительного рычага управления возрастает. Создаются пропрезидентские партии, фактически лишённые какой-либо идеологии и программ, кроме идеологии и программы поддержки власти. В России это — «Единая Россия», в Казахстане — Отан, в Азербайджане — Ени Азербайджан, в Таджикистане — Народно-демократическая.

При этом могут идти и всякого рода эксперименты с псевдомногопартийностью. Так, в Казахстане, наряду с главной пропрезидентской партией Отан, есть и «дополнительные» (Гражданская и Аграрная) и могут возникать новые (Асар), что создает иллюзию яркой палитры партий и бурной партийной жизни. Система псевдомногопартийности, при которой разные партии как бы соревнуются между собой в преданности президенту, создана и в Узбекистане.

Приватизация как аспект создания режимов личной власти

Установление режима личной власти и поддержание его стабильности — процессы не чисто политические. Они имеют свою социально-экономическую составляющую.

Приватизация государственной собственности, прошедшая во всех странах СНГ в 90-е гг., имела не только социально-экономическое, но и политическое значение, будучи одним из важнейших механизмов укрепления режимов личной власти. В условиях формирующихся режимов личной власти, практически при полном отсутствии контроля со стороны общества, приватизация в определенной мере стала «раздачей» государственной собственности по произволу исполнительной власти, совершавшейся с многочисленными нарушениями законов. Это создавало заинтересованность новых собственников, во-первых, в благосклонности власти, от которой зависело, будешь ты или нет «назначен в миллионеры», во-вторых, в ее стабильности, ибо переход власти к оппозиции мог повлечь за собой пересмотр результатов приватизации (что в какой-то мере и происходит в странах, где побеждают «цветные революции»). В дальнейшем же это создало для президентов возможность контролировать собственников, ибо при появлении признаков нелояльности президенты всегда могли приказать расследовать нарушения законов при приватизации (которые они сами же поощряли), хозяйственную

деятельность собственников и репрессировать политических противников за чисто экономические преступления. Такое привлечение к ответственности за реальные или вымышленные экономические и уголовные преступления политических противников применялось в России (дела Березовского, Гусинского и Ходорковского), Киргизии (дело Ф. Кулова), Азербайджане (дело Р. Кулиева), Казахстане (дела Кажегельдина, Жакиянова, Аблязова), Белоруссии (дело Леонова), Украине (дело Лазаренко).

Режимы личной власти, будучи по сути своей режимами не правовыми, не могут создать нормальную правовую среду для рыночной экономики. Но они и не заинтересованы в создании такой среды, так как это означало бы потерю ими контроля над экономикой, что в конечном счете могло бы привести к потере контроля над обществом в целом, включая политическую сферу.

Секретные службы и тайные методы борьбы с противниками

Режим личной власти — по сути своей не правовой, но вынужденный рядиться в правовые одежды. И это придает ему специфически «мафиозный» характер. Принимая устраивающие их конституции и законы, власти стремятся свести открытый конфликт их интересов и законов к минимуму, но все равно многие действия, направленные на поддержание режима, неизбежно вступают в конфликт с любыми законами. В этой ситуации значительную роль начинают принимать разные секретные службы, сама природа работы которых предполагает тайные действия — действия в обход законов.

Поиски Ельциным преемника среди представителей спецслужб и выбор им Путина, в дальнейшем сделавшего в своей кадровой политике ставку на людей из спецслужб — яркое, но не единственное проявление этой тенденции. Советы национальной безопасности и спецслужбы приобретают громадное значение во всех странах СНГ.

Чертой политической жизни становятся «таинственные» убийства политических противников власти. Никто, разумеется, не имеет права прямо обвинять Кучму в убийстве Гонгадзе, Лукашенко — в серии исчезновений его противников, организованных белорусскими спецслужбами, а Назарбаева — в убийствах Нуркадилова и Сарсенбаева. Характер этих преступлений таков, что их заказчики вряд ли могут быть установлены с юридической точностью. Но совершенно естественно в условиях, сложившихся в странах СНГ, широкое распространение уверенности в том, что эти убийства организованы властями.

При помощи перечисленных выше (и не перечисленных) средств происходит становление и укрепление режимов личной власти. Логика действий президентов толкает их ко все большему контролю над обществом.

Самым важным является обеспечение безальтернативности собственной власти. Но это подразумевает последовательное расширение сферы безальтернативности. От безальтернативных президентов развитие идет к без-

альтернативным парламентам, затем к безальтернативным партиям, безальтернативным СМИ и т. д. Очень четко эта логика проявляется в России, где с 1991 года президентский режим смог достичь колоссальных успехов в установлении контроля над обществом. Схожим образом эволюционируют режимы Узбекистана, Белоруссии, не говоря уже о Туркменистане, где контроль над обществом принял гротескные формы.

Однако, очевидно, это все же — не единственно возможное направление эволюции режимов. Создается впечатление, что под давлением оппозиции и внешним давлением Запада при достижении некоего максимального уровня в ряде стран контроль над обществом может начать ослабевать, а стремление продлить власть в таких ситуациях может принимать формы частичных уступок оппозиции и демократии. Это происходило в Украине, где Л. Кучма, не уверенный в победе на выборах назначенного им преемника (и возможно, не полностью ему доверяя), стремился уже не усилить президентскую власть, а наоборот, ослабить власть следующего президента принятием соответствующих поправок к конституции. Периодические «либерализации» возникали в Узбекистане и Казахстане.

Такие «либерализации» и «демократизации» имеют имитационный характер, и их постоянная цель — камуфлировать сохранение личной власти, продлить ее. Тем не менее они могут создавать более благоприятные условия для смены режима и перехода к демократии.

Все президенты сталкиваются с неизбежной и сложной проблемой собственного старения и необходимости обеспечения дальнейшей безопасности — своей и своих близких — путем передачи власти какому-то доверенному лицу. Это всегда чревато политическим кризисом, поскольку обостряет борьбу «придворных партий», связанных с разными кандидатами в преемники и порождает активизацию оппозиционных сил. При этом у президентов, естественно, проявляется стремление к передаче власти тем, кому они доверяют в максимальной степени, — своим детям. Режимы личной власти естественно тяготеют к «квази-монархиям».

Пока в СНГ было лишь два эпизода передачи власти назначенному президентом преемнику — в России и Азербайджане. В России Ельцин передал власть не члену семьи («подходящих» членов семьи у него и не было), но в Азербайджане власть была передана от отца к сыну. В Казахстане, Туркменистане, Узбекистане внутрисемейные передачи власти очень вероятны, а в Кыргызстане такая передача власти была сорвана «тюльпановой» революцией.

Передача власти всегда — политический кризис. И исходы его могут быть самыми разными. Передача власти может просто «сорваться», и тогда этот срыв приведет к смене режима (как это произошло в Украине). При внутрисемейной передаче власти преемник, наиболее близкий к президенту человек, может оказаться лишенным необходимых для поддержания режима качеств. Кроме того, внутрисемейная передача власти слишком обнажает неправовой и недемократический характер режима и лишает преемника

необходимой «легитимности». Но когда власть, как это произошло в России, передается относительно «новому» человеку, не связанному с «грехами» предшественника, режим способен укрепиться и «омолодиться». Тем не менее такое омоложение может быть лишь временным.

Жизнь авторитарных режимов имитационных демократий подчинена ритму, аналогичному ритму жизни живого организма. Вначале режим слаб и не имеет жесткой внутренней структуры. Затем он становится все сильнее и определеннее. Но после периода расцвета начинается неизбежное старение и деградация.

Далее я постараюсь перечислить основные направления и причины этой деградации.

3

Очевидно, мы можем условно выделить две группы факторов, способствующих падению режимов «имитационных демократий» — факторы, скорее связанные с внутренней эволюцией режимов, и факторы, связанные в основном с развитием обществ. Начнем с факторов, связанных с естественным «старением» режимов, которые действовали бы даже в том случае, если бы общества, где установлены эти режимы, вообще не развивались.

Потеря «обратных связей»

Установление авторитарного режима — это установление системы, при которой власти постепенно утрачивают представление о реальных процессах в своем обществе.

По мере того, как выборы превращаются в ритуал и фикцию, а СМИ оказываются под контролем, регулярный поток информации о настроениях общества иссякает. Президент создает вокруг себя среду, которая отражает его собственные взгляды и представления о себе и своей стране. Естественно формируются «культы личности». Наиболее гротескные размеры этот культ личности приобрел в Туркмении. Но Туркмения — лишь крайнее выражение общей тенденции. Меньших масштабов культы сложились у Г. Алиева, Н. Назарбаева, И. Каримова, А. Лукашенко и других президентов. Создавая режимы своей безальтернативной власти, президенты начинают сами искренне верить в свои особые качества, объясняющие эту «безальтернативность»¹⁵.

Окружение президента и подконтрольные ему СМИ укрепляют его в представлении о его колоссальном уме, особых психологических качествах и о том, что страна под его руководством прекрасно развивается. Опять-таки, крайнее выражение этой тенденции — Туркмения, где статистика прак-

¹⁵ Так, Г. Алиев под конец жизни мог утверждать, что он в советское время предвидел распад СССР и втайне готовил Азербайджан к независимости и одновременно, что Горбачев чуть ли не отнял у него заслуженно полагавшийся ему пост генсека КПСС, завидовал ему и преследовал его.

тически не имеет никакого отношения к действительности. Туркменбаши смотрит на нее и радуется успехам своей Родины.

Погружение властей СНГ в иллюзорный мир можно было очень четко видеть во время волны «оранжевых революций». Объяснения революционной войны зловещими иностранными происками причудливо сочетались с уверенностью, что в их стране такое невозможно в силу их выдающихся качеств и любви к ним народа (Акаев утверждал это за несколько дней до своего бегства), и одновременно страхов, что она все-таки может прийти и к ним, ибо тайные силы действуют и в их странах.

Криминализация и потеря управляемости

В режимах имитационных демократий коррупция играет большую роль, чем в недемократических режимах других типов. Режимам имитационной демократии присуща «системная нечестность», ибо систематическое нарушение провозглашенных принципов и законов относится к самой их сути. В этом — отличие положения наших президентов от положения традиционных монархов, военных диктаторов и даже тоталитарных правителей, которым не нужно использовать демократический камуфляж и заботиться о демократической легитимации своей власти. Но это порождает особые отношения президентов с их аппаратом и элитой.

Президент становится зависимым от местных властей, которые должны гарантировать его победу на выборах и референдумах, он зависим от судей, выносящих нужные приговоры его политическим противникам, от олигархов, теоретически поддерживающих деньгами оппозиции, от генералов, теоретически могущих в какой-то критический момент отказаться подавить оппозицию и т. д. Но, не имея тех связей со своими подчиненными, которые имеют военные диктаторы, опирающиеся на воинскую дисциплину, тоталитарные правители, связанные со своим аппаратом идеологическими узами, и монархи, опирающиеся на традиционную лояльность, президенты вынуждены подкупать сторонников, «заинтересовывать их материально» в своей власти. Коррупция и криминализация приобретают системный характер, а элита превращается в систему мафиозных кланов.

А это означает усиление неуправляемости государством и обществом. Коррупция разъедает всю систему государственных связей. Парадоксально, но чем больше укрепляется власть президента, тем меньше у него реального контроля. Указы все сильного президента, если они идут вразрез с интересами аппарата, могут просто игнорироваться.

В критический момент система, скрепленная лишь материальными интересами, рассыпается, как картонный домик. Очень характерной чертой «цветных революций» оказывается то, что, как выясняется, у президента нет настоящих убежденных сторонников. В отличие от демократических президентов, проигравших на выборах, Шеварнадзе, Кучма и Акаев в трудную минуту оказались просто одни. Даже Ельцин, которому удалось передать власть назначенному им преемнику, очень быстро оказался всеми забыт.

Выживание слабейшего

Коррупцирование означает деградацию государственной элиты. Но эта деградация происходит не только вследствие коррупции, но и вследствие специфической для режимов данного типа системы социальной мобильности.

Вообще никто никогда не будет назначать своими заместителями и ближайшими подчиненными людей с яркими индивидуальностями и «неконтролируемых», которые могут «затмить» своего начальника. Поэтому систематическое доминирование бюрократической социальной мобильности ведет к систематическому же ухудшению качества элиты.

В режимах имитационной демократии бюрократический принцип мобильности становится доминирующим и вытесняет иные механизмы мобильности. В начале 90-х гг., когда системы еще не сложились, и существовало много путей проникновения в элиту, не зависящего от власти, в элиты — и экономическую, и политическую — всех стран СНГ проникло множество «самовыдвиженцев», далеко не всегда приятных, но ярких личностей. Но затем каналы «самовыдвижения» закрываются. Депутаты формально выбираются, но, по сути, начинают назначаться так же, как чиновники госаппарата. Места на вершине экономической иерархии уже заняты, наиболее неконтролируемые олигархи устранены, остаются лишь те, кто прямо назначен или утвержден верховной властью. Это ведет к бюрократизации и деградации всей элиты.

Делегитимация

Естественное стремление президентов расширить сферу своего контроля ведет к тому, что демократические и правовые институты все более очевидно превращаются в фикцию. Не заметить этого уже невозможно. Полностью предсказуемые выборы становятся просто ритуалом, в них исчезает какая-либо «интрига».

Но ведь режимы имитационных демократий не имеют своей, альтернативной демократии идеологии и не зависящих от демократии и выборов источников легитимности.

Поэтому чем более предсказуемыми становятся выборы, тем больше исчезает легитимность.

Это — процессы внутренней динамики авторитарных режимов, и они практически независимы от развития общества и происходили бы, даже если бы общество оставалось неизменным. Но общество развивается, меняется.

В конце горбачевского и начале постсоветского периодов на общество обрушилась лавина неожиданных и непонятных перемен. В этой ситуации усиливается стремление к «сильной власти», гарантирующей стабильность, психологическая почва для создания режимов имитационных демократий. Но сейчас многое из того, что было новым и пугающим в то время, стало нормальным и привычным. Люди привыкли к частной собственности

и рыночным ценам, к отсутствию жесткой официальной идеологии, к ограниченным, но все же существующим политическим и гражданским свободам. В значительной мере результатом этой адаптации к новым условиям является повсеместный в СНГ рост ВВП и прекращение падения жизненного уровня. Это в какой-то мере работает на режимы личной власти, демонстрируя их эффективность и снижая угрозы стихийного протеста. Но с другой стороны, это же в определенном смысле уменьшает психологическую потребность в «сильной руке».

Фактор привычки усиливается естественным процессом смены поколений. Для старшего поколения, сформировавшегося в условиях СССР и сохранившего какие-то воспоминания о сталинском терроре, даже позднесоветские условия казались очень мягкими и либеральными, а горбачевская либерализация — просто немыслимой и опасной свободой. Для молодого поколения более либеральные условия теперешних режимов — нечто естественное, нормальное. Поколение, сформировавшееся в постсоветских условиях, несомненно, менее «удобно» для режимов нашего типа и психологически более подготовлено к демократии, чем советское.

Значительную роль в усилении оппозиции режимам личной власти играют и изменения в социальной структуре обществ. Сформировался слой новой буржуазной элиты, зависящей от государства, но все же значительно меньше, чем старая номенклатурная элита. У части этой элиты появляется стремление к правовому обществу, к гарантиям от произвола власти.

Новым явлением является преодоление расколов в оппозициях. В разных странах в разной степени, но везде происходит трансформация «левых» коммунистических оппозиций, в той или иной мере отказывающихся от коммунистических догм и в иной форме и иных условиях повторяющих эволюцию бывших компартий стран Центральной Европы. Это, а также общее давление властей, создает новые возможности для сближения оппозиционных сил разной и даже противоположной идеологической направленности на основе общедемократических требований. Такие союзы социалистов и коммунистов с правыми (разной степени организованности и прочности) сейчас установились в Казахстане, Кыргызстане, Украине, Белоруссии, тенденция к этому заметна и в России. Подобные союзы могут иметь очень большое значение для установления демократического общественного консенсуса и для торжества демократических норм политической жизни в будущем.

Можно указать и ряд других факторов, способствующих ослаблению режимов личной власти и укреплению оппозиций: рост «усталости» от лиц,

---

ПОКОЛЕНИЕ, СФОРМИРОВАВ-
ШЕЕСЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ УСЛО-
ВИЯХ, НЕСОМНЕННО, МЕНЕЕ
«УДОБНО» ДЛЯ РЕЖИМОВ НАШЕ-
ГО ТИПА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИ
БОЛЕЕ ПОДГОТОВЛЕНО К ДЕМО-
КРАТИИ, ЧЕМ СОВЕТСКОЕ

стоящих во главе государств уже не первое десятилетие, влияние примера стран Центральной Европы, успешного развития демократических стран в целом и др.

В некоторых странах, как уже говорилось, действие этих факторов может вести к некоторой либерализации режимов. Однако я думаю, что переход стран СНГ к демократии по сути своей не может не быть глубоким политическим кризисом. Ведь он неотделим от потери власти теперешними президентами или назначенными ими преемниками, у которых есть все основания держаться за власть любыми средствами и которые сами создали системы, делающие мирный и законный приход оппозиции к власти практически невозможным. Элементы революции, очевидно, имманентны таким переходам.

4

К настоящему времени произошло уже три революции, свергнувшие авторитарные режимы имитационных демократий на территории СНГ, и мы можем сделать некоторые выводы о том, как происходит падение этих режимов.

Режимы стран СНГ однотипны, это — режимы с общей логикой функционирования и развития. Соответственно, и их падение — однотипно, существует как бы некоторый общий сценарий таких революций.

Прежде всего, все три удавшиеся революции и несколько аналогичных неудавшихся попыток (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Армения) связаны с выборами. Это, разумеется, не случайно. И наличие выборов и других элементов современной демократической системы, и их фасадный, камуфляжный характер — сущностные черты этих систем, противоречие между декларируемыми принципами и реальность им имманентны. Соответственно, кризис этих систем связан с предельным обострением и разрешением этого противоречия.

Власть постоянно режиссировала выборы и фальсифицировала их результаты, и общество молчаливо соглашалось с неизбежностью таких фальсификаций. Но в какой-то момент оно перестает соглашаться и срывает очередную попытку фальсификации.

Люди выходят на улицы, требуя пересмотра официальных результатов выборов. Толпы на улицах — это, если не насилие, то угроза насилия. Начинается война нервов. Исход этого противостояния зависит от тысячи не поддающихся учету факторов, но чисто логически может быть только три возможных исхода.

Первый исход — власть боится применить силу и сдается, как это произошло в Украине, Грузии и Кыргызстане. Второй — власть неудачно применяет силу, войска отказываются повиноваться. Такого варианта мы еще не видели, но, очень вероятно, что увидим. Третий — власть не сдается и разгоняет митинговые толпы.

Первый и второй варианты означают падение режима, третий — отсрочку

этого падения. Не может быть никаких сомнений, что каждые следующие выборы в Азербайджане, Казахстане, Армении и Белоруссии будут связаны с новыми попытками оппозиции *не допустить* фальсификации, но, в конце концов, исход все равно предрешен.

Революция, приуроченная к выборам и их фальсификации — естественный сценарий развития событий в режимах нашего типа. Однако, очевидно, он применим все же не ко всем странам. Для его развертывания необходимы такие условия, как наличие легальной оппозиции, относительных возможностей самоорганизации общества и относительно свободных выборов.

К таким странам, как Туркмения и Узбекистан этот сценарий, скорее всего, уже не применим. Выборы здесь настолько ритуализированы, что перестали быть событием, с которым связываются какие-то ожидания, а возможностей легальной самоорганизации общества — нет.

Это делает режимы относительно более устойчивыми. Но это означает, что падение их будет более неожиданным, непредсказуемым и, несомненно, кровавым.

Если оранжевые революции — одна модель, применимая к относительно либеральным режимам, то андижанские события в Узбекистане — другая модель.

Падение режимов имитационной демократии рано или поздно — неизбежно. Но результаты этого падения могут быть разными.

Мы говорили, что падение режима обусловлено двумя типами процессов, которые в реальной истории переплетены, но аналитически должны разграничиваться. Это — процесс деградации режима, обусловленный имманентными ему причинами, и процесс развития общества, которому становятся все более тесными рамки режима. Результаты падения режима обусловлены тем, насколько в совокупности факторов, приведших к его падению, имеют значение факторы первой и второй группы.

Если падение режима происходит, прежде всего, в результате того, что общество его «переросло», оно приводит к установлению демократии. Это мы видим в Украине, с меньшей очевидностью — в Грузии.

Но если оно происходит в результате внутренней деградации режима и в условиях, когда общество не достигло уровня развития, при котором возможна стабильная демократия, оно вступает в цикл чередования неустойчивых, анархических демократий и диктатур, что мы можем наблюдать в новейшей истории многих стран «третьего мира».

Не неизбежно, но очень вероятно, что так будут развиваться события в Киргизии, где свержение слабого акаевского режима как бы вернуло страну к ситуации 1990–1991 гг. Вполне можно предположить, что в Киргизии после теперешнего хаотически-демократического периода установится новый режим имитационной демократии, так же похожий на акаевский, как в Индонезии после свержения имитационной демократии Сукарно и периода хаоса установился новый режим имитационной демократии — Сухарто.

СНГ — не только пространство, на котором сосуществуют страны, имеющие однотипные и параллельно развивающиеся режимы. Это — пространство бывших Российской империи и СССР, и входящие в него страны связаны друг с другом исторически и культурно, прежде всего — через русский язык и Россию. Это и оформляющая единство этого пространства организация, одной из важных не декларируемых, «латентных», функций которой является сохранение режимов «имитационной демократии». Благодаря тесным связям между странами СНГ они оказывают неизмеримо большее влияние на политические процессы и события друг друга, чем страны, не входящие в СНГ. «Цветные революции» становятся источником вдохновения для оппозиций и озабоченности для властей всех стран, и наоборот, удачное преодоление кризиса и успешная передача власти наследнику, как это было в России и в Азербайджане, служат источником вдохновения для президентов и предупреждением для оппозиций. Поэтому все президенты стран СНГ, какими бы ни были противоречия между ними, заинтересованы в стабильности власти своих коллег и соседей и могут рассчитывать на их помощь в критических ситуациях. В какой-то мере СНГ можно сравнить со «Священным союзом» монархов Европы против революций в посленаполеоновскую эпоху. Это — союз президентов против оппозиций, в котором центральную роль, естественно, играет Россия¹⁶.

Возможности сознательного, целенаправленного воздействия демократических стран и «мирового сообщества» на развитие политических систем в странах СНГ очень ограничены.

Конечно, для всех постсоветских президентов и постсоветских элит мнение передовых демократических стран значит очень много, и оно не может не оказывать влияния на их внутреннюю политику, удерживая их от каких-либо наиболее ярких проявлений авторитаризма и способствуя либерализации режимов. Западные страны воспринимаются как «эталон» демократии, и их отношение к правителям стран СНГ имеет определенное легитимизирующее значение. Но при появлении реальной угрозы для власти этот фактор отступает на задний план. При всей «западной» ориента-

¹⁶ Так, наблюдатели на выборах и референдумах из стран СНГ, в отличие от наблюдателей из других стран, всегда признают все, даже самые не демократические выборы и референдумы, честными и законными. Как правило, перед выборами главами государств СНГ делаются заявления в поддержку действующего президента. В наиболее критических ситуациях, как это было в конце правления Кучмы в Украине, помощь действующему президенту и заявленному им преемнику может носить развернутый и многосторонний характер.

Можно отметить определенную зависимость внешнеполитических ориентаций властей СНГ от того, подвергается ли власть испытанием. Когда режим личной власти — стабилен и угроза со стороны оппозиции — минимальна, президенты могут занимать во внешней политике более «прозападные» позиции, но как только режим входит в полосу кризиса, усиливается ориентация на Россию и СНГ. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в изменении политической ориентации И. Каримова после андijanских событий.

ции, например, алиевского режима в Азербайджане, невозможно представить себе, чтобы покойный Г.Алиев мог бы ради своего имиджа на Западе отказаться от передачи власти сыну.

Кроме того, давление извне в направлении демократизации никогда не было последовательным и, очевидно, не может быть таковым. У властей стран СНГ есть возможности минимизировать это давление, запугивая мировое сообщество возможностью дестабилизации их стран и опасностью экстремизма. В России власть очень успешно использовала угрозу прихода к власти коммунистов и русских националистов («красно-коричневых»). В Центральной Азии роль такой угрозы играет исламский радикализм.

Нельзя сказать, что эти угрозы просто вымышленные. Но они в значительной мере являются порождением самих режимов личной власти. При невозможности ротации власти и постепенном закрытии мирных и легальных каналов проявления недовольства оно, естественно, может принимать экстремистские формы.

Так, длительная консервация радикальных элементов в идеологии российской компартии и радикализм новых молодежных «левых» движений в России действительно создавали и создают угрозу установления, в случае победы левой оппозиции в России, еще более авторитарного режима, чем теперешний. Но ясно, что эти радикальные тенденции в российской «левой» оппозиции прямо связаны с характером современного режима, полностью перекрывшего для оппозиции (и левой, и правой) все пути легального и мирного достижения власти. Между тем, в единственной стране СНГ, где не возник режим личной власти и для оппозиции пути мирного и законного достижения власти не закрыты, Молдове, победа коммунистов на выборах отнюдь не привела к становлению авторитарного режима. Напротив, это закрепило систему, основанную на ротации власти, и ускорило трансформацию компартии. Теперешние коммунистические власти Молдовы активно стремятся подготовить страну к вступлению в ЕС.

Если Россия и Молдова — примеры двух противоположных способов борьбы с угрозой радикализма, исходящей от коммунистов, то Таджикистан и Узбекистан — примеры двух противоположных способов борьбы с угрозой исламского экстремизма. В Таджикистане, несмотря на длительную и жестокую гражданскую войну, исламское движение не приняло экстремистских форм и при установлении мира смогло интегрироваться в таджикское общество. Насколько я могу судить, угрозы исламизма в Таджикистане сейчас нет, и если она снова появится, то только в связи с авторитарной трансформацией режима Э. Рахмонова. Иная ситуация в Узбекистане. Несомненно, что сейчас угроза исламского радикализма в Узбекистане значительно больше, чем в начале 90-х гг., когда в там еще не была подавлена демократическая оппозиция, и что установленный режимом И. Каримова контроль над любыми спонтанными и «чрезмерными» проявлениями мусульманской религиозности сам способствовал ее усилению. Если человека могут допрашивать в полиции и изгонять с работы только потому, что он регулярно соблюдает требования ислама, радикализация ислама становится просто неизбежной.

Режимы личной власти создают порочный круг — они сами порождают угрозу дестабилизации и экстремизма, при появлении которой демократические страны готовы признать их «меньшим злом» и закрыть глаза на не правовой характер власти и на репрессии против оппозиции, в результате чего угроза дестабилизации и экстремизма может возрасти.

Сознательное целенаправленное политическое воздействие на страны СНГ может иметь лишь ограниченный эффект и оказаться решающим лишь в каких-то особых кризисных ситуациях. Но демократизация стран СНГ не наступит в результате политического давления извне. Она произойдет лишь в результате внутренних процессов. Самое основное воздействие со стороны демократических государств не связано с их сознательной политикой. Это — воздействие примером. Как пример свободных стран подтачивал основы коммунистических режимов, так сейчас успехи демократических стран, европейская интеграция и включение в нее новых посткоммунистических демократий создают демонстрационный эффект, подтачивающий режимы личной власти в странах СНГ.